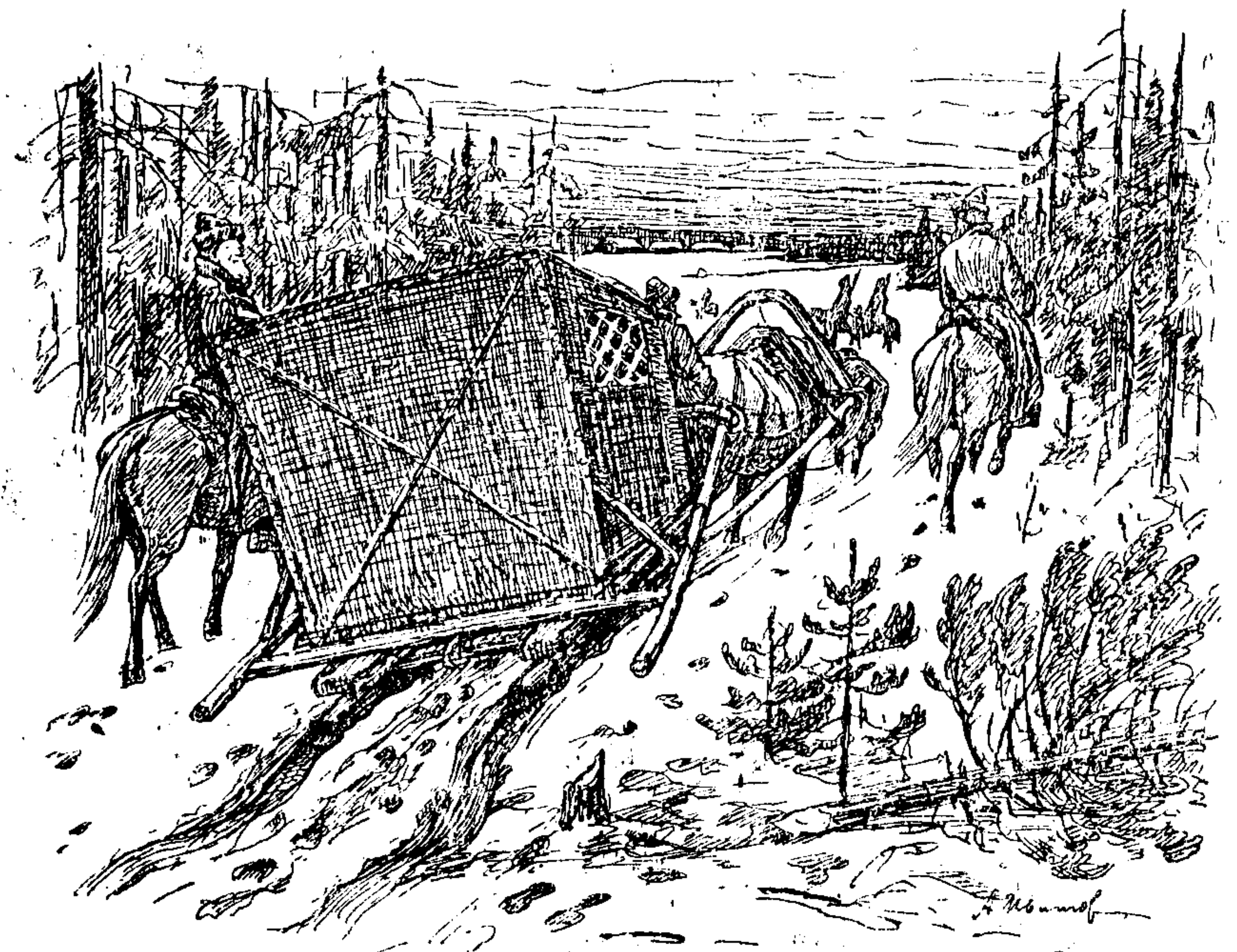

Николай Белдыцкий

НЫРВКІЙ УЗНИКЪ.

(Историческій эскизъ).

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

Пермскаго Тубернскаго Земства.

Николай Белдыцкій.

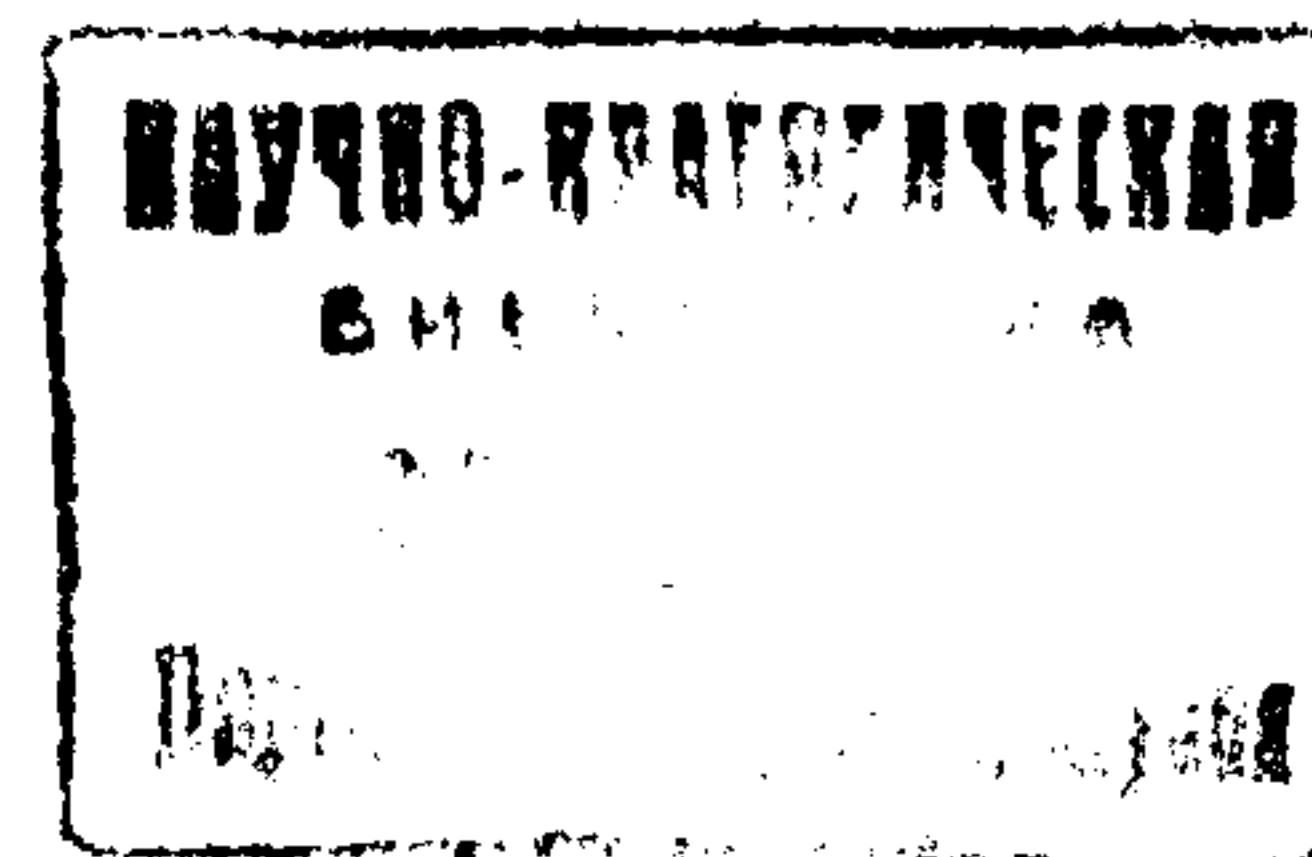
*Александръ Федоровъ
Мещеряковъ
изъ Омска.*

Н. Федоровъ

г. Пермь.

НЫРОВСКІЙ УЗНИКЪ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭСКИЗЪ).

«Глаголють бо, яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздохотцы, и тѣмъ сказаша ему, яко отъ рода Никитичева Романовыхъ возстати имать скипетродержецъ російскому государству; Царь же Борисъ, таковыя слыша отъ волхвовъ, и умысли, яко да потребить родъ сей».

Изъ записокъ келаря Авраамія Палицина.

П Е Р М Ъ.

ЭЛЕКТРО-ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

1912.

Тяжелый путь.

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7109-е, а отъ Рождества Христова 1601-е въ царствованіе государя Бориса Феодоровича въ одинъ изъ хмурыхъ сентябрьскихъ дней, въ самой глухой части Пермь Великой, среди дремучаго лѣса пробирался странный поѣздъ.

Впереди на заморенныхъ лошадяхъ ѣхало четыре человѣка въ костюмахъ стрѣльцовъ. За ними тройка усталыхъ коней, гусемъ, тащила тяжелый, закрытый возокъ, на козлахъ котораго, кромѣ ямщика-крестьянина, сидѣло два стрѣльца. За возкомъ на нѣсколькихъ коняхъ, запряженныхъ въ «волокуши», везли какіе-то пожитки, завернутые въ мокрая и забрызганныя дорожной грязью рогожи. Странное шествіе это замыкали два всадника, облеченныхъ въ длинныя, русскія одежды, свидѣтельствующія о болѣе высокомъ положеніи этихъ людей.

Какъ животныя, такъ и всѣ люди, безъ исключенія, казались страшно измученными. Не легкой то былъ путь! Пробираться приходилось по едва намѣченной тропѣ, извивавшейся среди топкихъ болотъ и дремучаго лѣса. Трудно было ѣхать и просто верховому, налегкѣ, а путникамъ приходилось возиться съ тяжелымъ возкомъ, поставленнымъ на сани, такъ какъ колеса ни въ

коемъ случаѣ не могли бы вынести эту адскую дорогу. Бѣдные холопы выбивались изъ силъ. Они должны были прорубать во многихъ мѣстахъ просѣку, вытаскивать постоянно топящій въ болотѣ возокъ и за всѣ труды терпѣливо переносить ругательства, а порою и побои озвѣрѣвшихъ стрѣльцовъ. Къ довершенію несчастья погода была отвратительная. Холодный непрерывный дождь сѣялъ съ хмураго, сѣраго неба и казалось, что высокія, унылыя ели насквозь пропитались влагой. Зловѣщую тишину пустыни нарушали лишь люди и животныя, составляющія это странное шествіе. Но порою тѣ и другіе, измученные, усталые смолкали и тихо-тихо становилось въ тайгѣ.

Два всадника, составляющіе арріергардъ, перебрасывались временами отрывистыми фразами. Одинъ изъ нихъ, повидимому, начальникъ отряда, былъ мужчина лѣтъ 40, брונетъ съ черной окладистой бородой, съ большими ртомъ и носомъ, и съ зловѣщимъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ, осѣненныхъ густыми взерошенными бровями. Видъ его не предвѣщаль ничего добраго.

Другой всадникъ, юркій, маленькій человѣчекъ съ рыжими волосами, съ рыжей бородкой клиномъ и быстро бѣгающими воровскими глазками, несомнѣнно, принадлежалъ къ сословію, которое было извѣстно на Руси подъ названіемъ «крапивнаго сѣмени».

— Ну и чортовъ путь, будь онъ проклятъ! Ну и сторонка же чертовская! Когда же конецъ будетъ?!— воскликнулъ брונетъ, видимо, до крайности раздраженный дорожными невзгодами.

— Ой, Романъ Андреевичъ! Ужъ и лихъ же ты ругаться то! Не надо бы въ лѣсу поминать нечистаго. Особливо въ здѣшнихъ мѣстахъ: давно ли этимъ кра-

емъ вогуличи поганые владѣли и нечисти всякой здѣсь довольно. Потерши ужъ маленько, не лайся, до мѣста недалеко осталось.

— Смѣешься ты надо мной, Иванъ Петровичъ. Вчера въ этомъ проклятомъ городишкѣ-то, бывшемъ... какъ его?...

— Въ Искорѣ.

— Ну да, въ Искорѣ, ты говорилъ, што до Ныроби всего десять верстъ, а мы сутки ѣдемъ, ночь цѣлую мучимся въ мокрѣ да холодѣ, а все этой проклятой дыры не видно. Силъ ужъ нашихъ не стаетъ биться съ возкомъ по этимъ болотамъ. Поди ко въ часъ и версты не дѣлаемъ!..

— Да вѣдь, говорилъ тебѣ воевода, што лучше рѣкой было отъ Чердыни подняться, какъ торговые люди къ Юграмъ ходятъ.

— Рѣкой, рѣкой! Царскій указъ -- въ возкѣ его по суху до мѣста доставить, а онъ—рѣкой! Легко тебѣ говорить-то!.. Ахъ, ты пропасть! Опять возокъ-то увязъ!

И тотъ, котораго звали Романомъ Андреевичемъ сердито плюнулъ на земь, остановилъ своего коня и злобно посмотрѣлъ передъ собой.

Возокъ чуть не до половины увязъ въ трясинѣ. Всѣ спѣшились около него и общими усиліями принялись вытаскивать. Несчастныя лошади выбивались изъ силъ. Съ помощью стяговъ возокъ кое-какъ былъ вытащенъ. Крестьяне съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ прислушивались къ глухимъ стонамъ, вырывавшимся изъ закрытаго возка. Кромѣ стопа можно было слышать порою лязгъ цѣпей. Бѣдные холопы, конечно, не осмѣливались спрашивать у сердитыхъ стрѣльцовъ о содержимомъ возка и молча строили разныя догадки.

Отдохнувши послѣ тяжелыхъ усилій, снова двинулись дальше, беря съ бою каждый шагъ. Снова та же утомительная дорога.

— Эй, вы, чучелы вогульскіе! Далеко еще?—прервалъ тяжелое молчаніе Романъ Андреевичъ.

Его вопросъ относился къ бѣднымъ крестьянамъ и одинъ изъ нихъ смиренно отвѣчалъ ему:

— Недалече, господине! Тутотка и есть, шаговъ со сто, да вонъ и поля видать!

Дѣйствительно, сквозь деревья мелькнулъ просвѣтъ и скоро передъ взорами путниковъ открылась цѣль ихъ путешествія — деревня Ныробка.

Унылое то было мѣсто!

Шесть деревянныхъ жалкихъ избъ въ безпорядкѣ скучились около родника, воды котораго впадали въ небольшую рѣчку. Избы не имѣли дворовъ и тотчасъ за ними поднималась небольшая полоска полей, замыкавшихся со всѣхъ сторонъ угрюмымъ хвойнымъ лѣсомъ. Мокрая, пропитавшаяся влагой поля, были пусты и на нихъ сиротливо торчали мѣстами колья съ длинными сучьями, на которые жители сѣвера вѣшаютъ снопы хлѣба для просушки.

При появленіи путниковъ собаки-лайки съ длинной шерстью и крючковатыми хвостами, подняли оглушительный, азартный лай, на который выскочили изъ избъ и сами обитатели деревни, испуганные и изумленные до крайности невиданнымъ зрѣлищемъ.

У з н и к ъ .

Смириша въ оковахъ нозѣ его
желѣзо пройде душу его.

Въ описываемую эпоху деревня Ныробка числилась въ верхнемъ станѣ Пермско-Чердынскаго уѣзда, находившагося въ непосредственномъ вѣдѣніи воеводы Григорія Гиневлева. Ныробка была крайнимъ сѣвернымъ русскимъ селеніемъ Перми Великой, дальше верховья Колвы были заселены вогулами и остяками и начиналась, такъ называемая, Югра.

Москва, по примѣру Великаго Новгорода, черезъ Чердынь вела торговля сношенія съ Югрой и Сибирью и торговые люди путешествовали на Печору по Колвѣ, а въ Сибирь по Вишерѣ.

Въ то время Чердынь, или, какъ она называлась, Пермь Великая Чердынь достигла зенита своего могущества и была довольно значительнымъ городомъ, въ которомъ насчитывалось до 300 дворовъ. Стояла Чердынь на правомъ высокомъ берегу Колвы и среди города высился кремль съ десятью церквами. Кромѣ того, было два монастыря: Иоанно-Богословскій — мужской и Успенскій — женскій. Нѣсколько общественныхъ зданій придавали городу внушительный видъ. Изъ зданій замѣчательны: изба сѣзжая — судная, изба таможенная, государевъ кабакъ, тюрьма, дворы воеводы, дьяка, подъячаго и др. Многіе посадскіе также имѣли хорошіе дома. Около бо лавокъ торговыхъ людей ясно показы-

вали, что торговля въ тѣ времена процвѣтала въ главномъ городѣ Перми Великой.

Краемъ управляли воеводы, посылаемые московскими царями «покормиться». Въ большинствѣ случаевъ воеводы смотрѣли на край, управленіе которымъ имъ ввѣрялось, какъ на непріятельскую страну, а потому и старались грабить его елико возможно. Больше всего терпѣли отъ нихъ торговые люди и надо еще удивляться, что при такихъ порядкахъ торговля не падала совершенно. Какъ посадскіе люди, такъ и крестьяне были обложены значительной данью въ пользу воеводы и его помощниковъ: тиуна и нѣсколькихъ доводчиковъ. Кромѣ того доходы съ царева кабака также предоставлялись въ ихъ пользу. Но воеводы не довольствовались столь значительнымъ для того времени доходомъ и творили разныя притѣсненія подвластнымъ имъ людямъ. До нашего времени дошло нѣсколько жалобъ крестьянъ и посадскихъ людей на беззаконія воеводъ. Но жалобы эти, повидимому, не достигали своей цѣли и порядки не мѣнялись.

До XVII столѣтія на Чердынѣ нерѣдко дѣлали набѣги воинственные дикіе народы: остяки, вогулы и сибирскіе татары. Но послѣ славнаго похода Ермака набѣги эти становились рѣдкими и менѣе опустошительными. Послѣдній набѣгъ вогуличей на Чердынѣ былъ въ 1582 году и не имѣлъ серьезныхъ для жителей послѣдствій. Послѣ этого дикіе инородцы начали отступать къ сѣверу и переходить за Каменный Поясъ, а русская колонизація дѣлать все большіе и большіе успѣхи.

Но бойкая жизнь Чердыни мало отражалась на жителяхъ деревни Ныробки, заброшенной въ глухомъ лѣсу. Мало они имѣли сношеній и съ торговыми людьми,

хотя ежегодно суда послѣднихъ поднимались въ верховья Колвы, отъ которой деревня была въ трехъ верстахъ. Жили ныробцы совершенно уединенно. Главное ихъ занятіе было звѣроловство. Въ окружныхъ лѣсахъ водилось несмѣтное количество бѣлки, соболей, куницъ и др. пушныхъ звѣрей, шкуры которыхъ можно было сбывать въ Чердыни. Большую часть года ныробцы проводили въ лѣсу, гдѣ частенько встрѣчались съ вогуличами и остяками и встрѣчи эти были вполнѣ дружескими. Отъ дикарей ныробцы научились владѣть луками, которые обходились дешевле пищалей и не требовали расхода на порохъ. Лѣтомъ они сѣяли немного хлѣба, но плохо онъ родился въ ихъ холодной сторонѣ. Одѣвались ныробцы въ платье домашняго изготовленія. Овечья шерсть давала имъ матеріалъ для сукна, а овчины шли на шубы.

Въ Чердынѣ они являлись рѣдко, да и то не всѣ изъ нихъ рѣшались показываться въ городѣ, гдѣ воеводскіе люди творили надъ ними насилія и отбирали у нихъ добычу. Только сильная нужда заставляла ихъ, да и то въ зимнее время, показываться на люди. При такихъ условіяхъ потомки славныхъ новгородцевъ одичали и казались совершенными дикарями. Сосѣди ихъ, жители погоста Искора, съ презрѣніемъ отзывались о нихъ и говорили, что ныробцы знаютъ съ лѣшимъ и опоганились отъ частыхъ общеній съ вогуличами.

Можно себѣ представить, какъ перепугались эти бѣдняки, когда увидали у своей деревни возокъ, сопровождаемый такимъ количествомъ конныхъ и пѣшихъ людей! Ныробцы не знали, что и подумать о такомъ небываломъ явленіи и съ разинутыми ртами стояли подъ холоднымъ дождемъ, съ ужасомъ смотря на при-

шельцевъ. Ребятишки, выскочившіе въ однихъ грязныхъ рубашенкахъ изъ толстаго холста, пугливо жались къ дрожавшимъ отъ страха матерямъ. Собаки не переставали заливаться оглушительнымъ лаемъ, эхомъ отдававшимся по лѣсу.

Возокъ съ людьми приблизился къ ныробцамъ и одинъ изъ нихъ, старикъ, съ длинной сѣдой бородой, вдругъ испуганно прошепталъ:

— Ликося, ликося: тіунъ воеводскій! Я яво зимусь въ городѣ видѣлъ, колды нашу бѣлку свозилъ. Онъ у меня половину отобралъ, а я не давалъ и шибко меня толды воеводскіе побили!..

— А пошто онъ сюды?—тоже тихо спросилъ другой ныробецъ.

— Господи, спаси насъ!—шептали бѣдняки.

Между тѣмъ Романъ Андреевичъ приказалъ остановиться и началъ осматривать мѣстность.

Какъ мы уже сказали—дома кучились у родника, а за ними поднимались поля, замыкавшіяся лѣсомъ. Романъ Андреевичъ въ сопровожденіи человѣка, котораго онъ называлъ Иваномъ Петровичемъ и въ которомъ ныробецъ узналъ тіуна, поѣхалъ по полю, что-то высматривая и соображая. Остановивши своего коня шагахъ въ пятьдесятъ отъ послѣдней избушки, Романъ Андреевичъ произнесъ:

— Вотъ здѣсь хорошо будетъ!—и сдѣлалъ знакъ стрѣльцамъ.

Тѣ приблизились.

— Копайте здѣсь!—сурово произнесъ Романъ Андреевичъ:—да поживѣе у меня! Холопей заставьте работать. Возокъ подвезите сюда и лошадей отпрягите. Двое стойте у возка на караулѣ.

Отдавши приказанія, онъ съ тіуномъ подѣхалъ къ кучкѣ ныробцевъ, къ которымъ Иванъ Петровичъ обратился съ рѣчью:

— Слушайте людишки ныробскіе Вотъ этотъ человекъ, Романъ Андреевичъ Тушинъ, посланъ сюда по царскому приказу. Онъ будетъ здѣсь жить вмѣстѣ съ шестью стрѣльцами и вы обязаны во всемъ ему послушны быть и кормъ ему и его людямъ доставлять. А паче всего вы не должны болтать, что тутъ увидите. Все это творится по приказу царскому и лютая казнь ждетъ ослушника!

Ныробцы слушали и дрожали отъ страха.

— А теперь,—обратился тіунъ къ Тушину,—выбирай себѣ фатеру, Романъ Андреевичъ. Обсушиться да обогрѣться надо.

Одна болѣе обширная изба обратила на себя вниманіе начальника стрѣльцовъ и онъ грубо обратился къ ныробцамъ:

— Это чье логово?

— Ивашки Носа, ваша милость! Энтото вонъ!—и ныробцы выдвинули изъ своей кучки хозяина избы.

Ивашко Носъ былъ мужикъ лѣтъ 50, съ угрюмымъ лицомъ, сплошь заросшимъ бѣлокурыми отъ природы, но побурѣвшими отъ грязи и копоти, волосами. Неуклюже разставивъ ноги и держа въ корявыхъ рукахъ шапченку, вышелъ онъ передъ лицо Романа Андреевича.

— Твоя это изба?

— Чеино!

— Эхъ, ты, звѣрь лѣсной! Чеино!—передразнилъ его Тушинъ,—веди насъ въ избу, да пожитки мои туда затащите. А вы, людишки, нарубите въ лѣсу толстыхъ плахъ, да тащите ихъ туда къ возку, гдѣ яму копаютъ. Шевелитесь живѣе!

Ныробцы встрепенулись, кинулись въ избы за топорами и отправились исполнять приказъ.

Тушинъ съ тиуномъ слѣзли съ лошадей и вслѣдъ за Ивашкой Носомъ вошли въ его избу, согнувшись чуть не въ три погибели въ низкихъ дверяхъ.

— Ну и чоргово логово! Да тутъ въ пору звѣрю жить, а не то что крещеному человѣку!—воскликнулъ Романъ Андреевичъ, оглядывая внутренность избы.

Дѣйствительно, обстановка была самая незавидная и даже не требовательный человѣкъ не удовлетворился бы такимъ жилищемъ.

Изба занимала около 9 кв. сажень. Чуть не четвертую часть этого пространства занимала русская печь изъ битой глины, ничѣмъ снаружи не окрашенная и безъ трубы. Въ потолкѣ надъ целомъ было прорублено отверстіе, куда во время топки вытягивался дымъ. Отъ печки вплоть до противоположной стѣны шли палати. По стѣнамъ, покрытымъ толстымъ слоемъ сажи, бродили полчища таракановъ. Вдоль стѣны шли толстыя лавки, а въ переднемъ углу стоялъ грубой работы столъ.

Полъ хотя и былъ деревянный, но покрытъ такимъ количествомъ грязи, что казался землянымъ. Это жалкое помѣщеніе тускло освѣщалось двумя небольшими окошечками, въ которыхъ вмѣсто стеколъ были натянуты бычачьи пузыри.

— Ну, Романъ Андреевичъ, послѣ московскихъ хормъ, чай, не поглянется тебѣ такая изба,—произнесъ тиунъ, усаживаясь съ Тушинымъ на лавку.

— Постараюсь пробыть въ этой ямѣ поменьше и поскорѣе отбѣду царскую службу!—мрачно и многозначительно произнесъ начальникъ стрѣлецкой стражи, съ презрѣніемъ оглядывая неприглядную обстановку.

Пока они обсушивались и отогрѣвались въ избѣ, работа въ полѣ подъ наблюдениемъ стрѣльцовъ быстро подвигалась впередъ. Крестьяне копали яму, а ныробцы таскали къ ней толстыя, еловые плахи. Наконецъ, яма, пространствомъ въ кубическую сажень, была окончена. Крестьяне столпились около зіяющаго отверстія и со страхомъ ожидали дальнѣйшихъ событій. Даже ребята и женщины мерзли на дождѣ и не могли оторвать взглядовъ отъ страшной ямы. Одна маленькая дѣвочка все приставала къ матери и, теребя ее за подолъ, шепотомъ спрашивала:

— Мамка, пошто это?

Но мать сердито отвѣчала ей:

— Молчи!—и испуганный ребенокъ, дрожа отъ страха и холода, молча прижимался къ своей матери, окидывая взорами то яму, то таинственный возокъ.

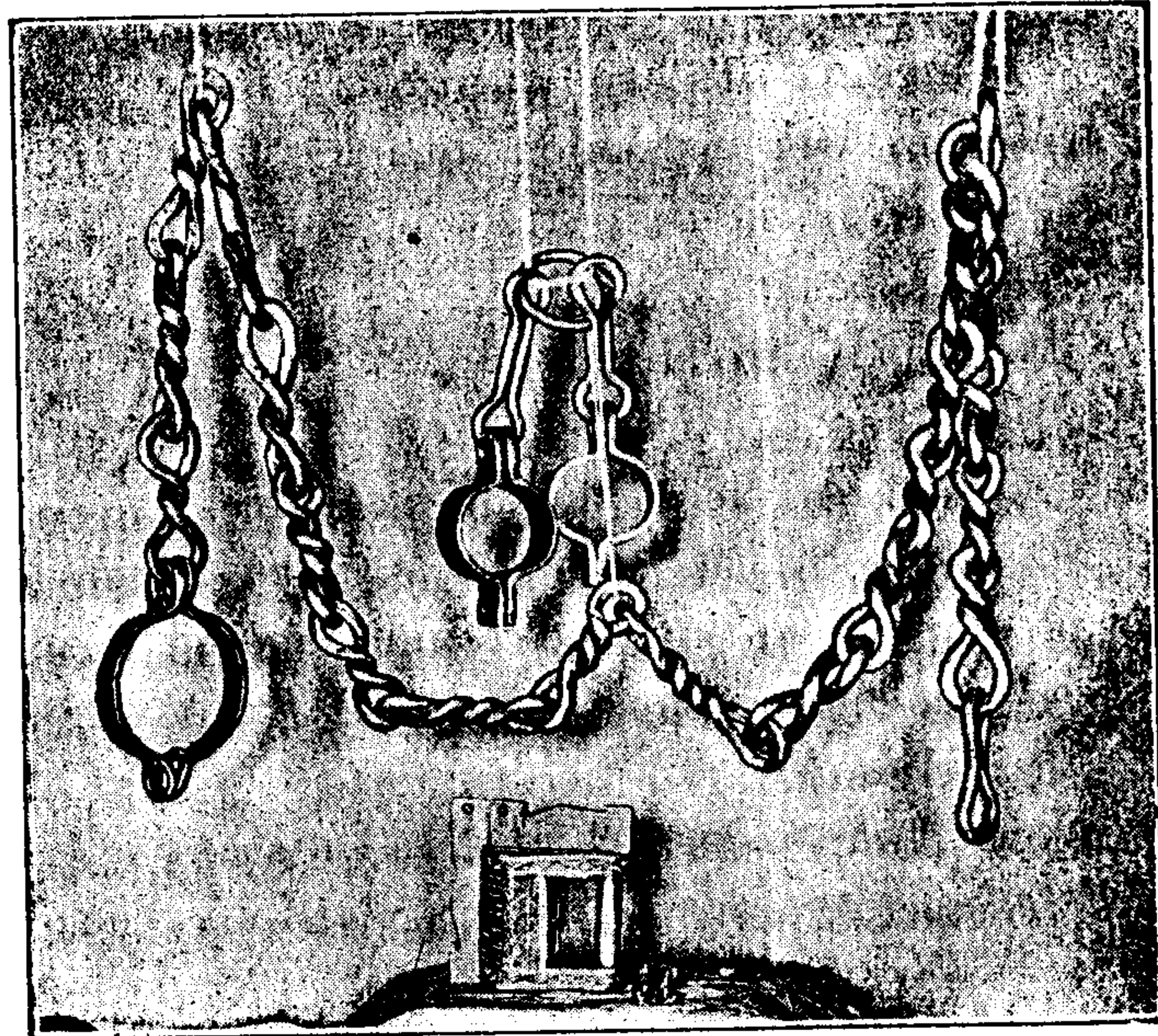
Когда все было кончено, изъ избы Носа показался Тушинъ съ тиуномъ.

Романъ Андреевичъ подошелъ къ возку и ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ, отворилъ висячій замокъ, раскрылъ дверку и произнесъ:

— Бояринъ, выходи!

Послышался лязгъ цѣпей и, ревниво оберегаемый, узникъ вышелъ на свѣтъ. Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ уставились на него. Онъ былъ высокъ, статенъ и могуче сложенъ. Его красивое, чисто славянскаго типа, лицо обрамлялось шелковистой, черной бородкой. Прекрасные сѣрые глаза на этотъ разъ метали молніи. Одѣтъ узникъ былъ въ простую шубу и теплую шапку. Онъ былъ весь скованъ тяжелыми цѣпями. Желѣзный ошейникъ обхватывалъ его шею, давилъ плечи; ручныя и ножныя кандалы соединялись цѣпью съ ошейникомъ и все вмѣстѣ замыкалось тяжелымъ замкомъ хитрой

работы. Эти ужасныя оковы вѣсу имѣли до трехъ пудовъ, а узникъ, между тѣмъ, казалось, не чувствовалъ ихъ на себѣ. Только блѣдный цвѣтъ лица, да вздрагивающія губы свидѣтельствовали о душевномъ волненіи богатыря.

Цѣпи Ныробскаго узника.

— Ну, бояринъ, хоромы для тебя готовы!—зловѣще выговорилъ Тушинъ и указалъ на яму.

Узникъ остолбенѣлъ и послѣ минутнаго тяжелаго молчанія, задыхаясь отъ ужаса и гнѣва, произнесъ:

— Какъ! Въ эту яму?.. Меня?..

— Да ужъ не обезсудь, бояринъ!— съ лицемѣрнымъ вздохомъ проговорилъ Тушинъ,—такова царская воля, а мы, вѣдь, холопы царскіе, не можемъ послушаться.

Страшнымъ гнѣвомъ вспыхнуло лицо несчастнаго боярина. Не чувствуя тяжести оковъ, онъ обѣими руками ухватился за возокъ, около котораго стоялъ и съ бѣшенствомъ откинулъ его отъ себя на нѣсколько сажень. Толпа ахнула. Бояринъ простирая руки и гремя цѣпями, кричалъ:

— Нѣтъ, подлые холопы! Нѣтъ мучители, я не дамъ вамъ! Не потѣшу злобы убійцы царевича Дмитрія!..

— Хватайте его! Зажмите ему ротъ! Въ яму его!— закричалъ Тушинъ.

Шесть дюжихъ стрѣльцовъ разомъ набросились на скованнаго боярина. Но онъ уже не сопротивлялся. Послѣдняя вспышка отняла у него остатокъ силъ и голосомъ, полнымъ безнадежнаго отчаянія, онъ проговорилъ:

— О, Борисъ, Борисъ! Милосердый Богъ все видитъ и воздастъ тебѣ за все!—и отдался въ руки стрѣльцовъ.

Его быстро опустили въ сырую яму.

— Стели плахи!—скомандовалъ Тушинъ.

Моментально тяжелые плахи закрыли отверстіе ямы. На плахи навалили земли и камней и только оставили маленькое отверстіе, въ которое спустили кусокъ черстватаго хлѣба и воды въ берестяномъ туясѣ.

Когда все было окончено, Тушинъ обратился къ оцѣпенѣлымъ отъ страха крестьянамъ:

— Вы, холопы, слушайте! Сохрани васъ Боже болтать о томъ, что видѣли. Въ эту яму посаженъ по царскому указу большой злодѣй: онъ хотѣлъ извести волшебствомъ благовѣрнаго Государя Бориса Феодоровича и вотъ Богъ его наказалъ за это. А кто изъ васъ по

худомуію своему будетъ говорить непристойныя рѣчи, тому языкъ отрѣжутъ и предадутъ смерти. А теперь убирайтесь по домамъ и помните твердо, что вамъ сказали.

Крестьяне молча разошлись.

Тушинъ поставилъ около подземной темницы двухъ стрѣльцовъ съ сѣкирами и вмѣстѣ съ тиуномъ пошелъ въ избу.

Спускались сумерки, становилось холоднѣе и дождь смѣнился снѣгомъ.

— Ну, Иванъ Петровичъ, я ужъ завтра отпишу грамоту въ Москву, а сегодня съ устатку намъ и выпить съ тобой не грѣхъ, да и молодцы мои притомились, тоже выпить хотятъ!—говорилъ Романъ Андреевичъ, сидя въ избушкѣ Носа.

Невѣрный и мигающій свѣтъ лучины падалъ на его зловѣщее лицо и на замолкнувшаго, какъ бы при давленнаго видѣннымъ, тиуна. Оба они сидѣли за столомъ, уставленнымъ привезенными напитками и явствами. Четыре стрѣльца перемѣняли промокшую одежду: присаживались къ начальнику. Началась пирушка.

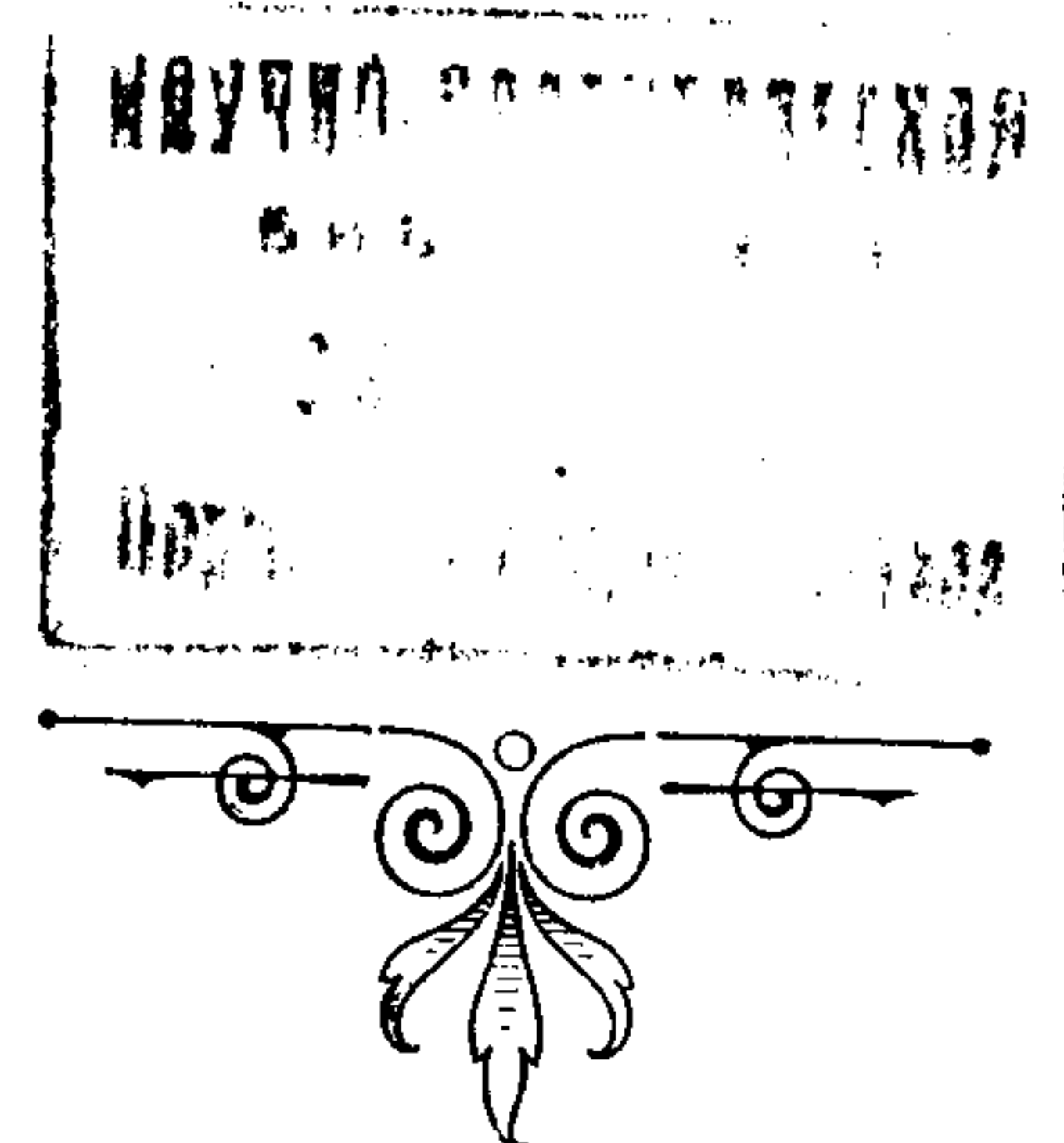
Темна сентябрьская ночь спустилась на несчастную Ныробку. Все смолкло. Всѣ спали. Только два стрѣльца, стоя на караулѣ около ямы, боролись съ дремотою и старались укутаться и защититься отъ падавшихъ хлопьями мокраго снѣга. Да еще въ одной избѣ маленькая дѣвочка не могла заснуть. Она все время спокойно ворочалась около своей матери.

— Мамка!—шептала она:—пошто это они дяденьку то въ яму посадили?

— Молчи, дитятко, молчи!—успокаивала ее мать, черный-то услышитъ!

— Мамка, я боюсь яво! Онъ злой: дяденьку въ яму закопалъ.

А снѣгъ все валился, да валился. Бѣлый и чистый онъ покрывалъ всю землю и, казалось, хотѣлъ уничтожить слѣды только что совершеннаго людьми страшнаго дѣла.

В Ъ Я М Ъ.

«Положи мя въ ровъ преисподнемъ,
и азъ къ Тебѣ, Господи, возвахъ».

Поздняя осень. Уныло и безотраднo это время даже на жизнерадостномъ югѣ, но еще болѣе уныла, еще болѣе безотраднa осень на дикомъ сѣверѣ. Съ мутно-грязнаго неба непрерывно льетъ то холодный дождь, то валятся хлопья мокраго снѣга. Гудитъ вѣтеръ и жалобно стонетъ мрачный хвойный лѣсъ. Рѣдкія листовныя деревья обнажены и какъ бы съ мольбой протягиваютъ мокрыя вѣтви свои къ безпросвѣтному небу. Земля не можетъ ужъ принимать въ себя влагу, она насквозь пропиталась ею. Звѣри, птицы, люди, все живое притаилось. Да, ужасно въ эту пору очутиться гдѣнибудь въ полѣ, въ лѣсу и быть лишеннымъ теплаго крова. Но неизмѣримо ужаснѣе было положеніе несчастнаго узника, посаженнаго въ яму!..

Первое время онъ обрѣтался въ состояніи полнаго оцѣпенѣнія и едва ли могъ сознательно относиться къ своему положенію. Душа его какъ бы замерла и потрясенное до нельзя существо его замерло. Лежа на мокромъ и грязномъ днѣ ямы, онъ апатично слушалъ, какъ ударялись комья земли и камни о плахи потолка его темницы. Люди, работавшіе тамъ, наверху, быстро совершали свое дѣло и замуровывали узника. Иногда мокрые комки земли падали на его лицо, но онъ ничего не чувствовалъ... Люди кончили свою работу и ушли. Страш-

ная тишина, тишина могилы, наступила въ ямѣ. Тусклый лучъ свѣта, пробивавшійся сквозь сдѣланное въ потолкѣ отверстіе, падалъ на лежащую неподвижно фигуру человѣка... Казалось жизнь оставила страдальца...

Такъ пролежалъ онъ цѣлыя сутки. Но вотъ сознание начало понемногу возвращаться и жизнь вступала въ свои права. Узникъ очнулся, присѣлъ и съ ужасомъ началъ осматриваться. Подъ нимъ была липкая, сырая глина, въ которой онъ весь испачкался. Онъ простеръ впередъ руки и вездѣ встрѣчалъ мокрую землю. Онъ всталъ, но не могъ выпрямиться во весь ростъ: голова его уперлась въ потолокъ изъ тяжелыхъ плахъ...

Несчастный увидалъ себя заживо погребеннымъ. Сердце его сжалось отъ ужаса, ноги подкосились и онъ въ безсиліи повалился на землю... Вдругъ пароксизмъ бѣшенства опять охватилъ его, онъ закричалъ и, гремя цѣпами, принялся царапать стѣны своей темницы. Но голосъ его глухо звучалъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ, а руки быстро покрылись кровью... Узникъ понялъ, что нѣтъ для него надежды выбраться на волю. Зарыдавъ, онъ снова упалъ на мокрый полъ.

— Господи, неужели ты оставилъ меня?—и страдалецъ началъ горячо молиться. Молитва облегчила страданія духа и узникъ почувствовалъ, что Богъ есть его единственная надежда, единственная защита. И онъ молился, молился...

Два дня не принималъ онъ пищи и хлѣбъ, который бросали ему въ отверстіе, размокалъ на землѣ. Но потомъ природа взяла свое и узникъ съ жадностью поѣдалъ скудную пищу.

Съ нимъ никто не говорилъ, вблизи не слышно было голосу человѣчьяго и только завываніе вѣтра доносилось до его ужаснаго жилища...

Прошла осень, наступила зима.

Несчастный дрожалъ въ своей мокрой шубѣ. Онъ уже думалъ, что его хотятъ заморозить, но вотъ въ одинъ день онъ услышалъ надъ головой какую-то возню и вдругъ яркій свѣтъ ослѣпилъ его глаза, привыкшіе къ полутьмѣ. Надъ нимъ вынули одну плаху и спустили въ яму лѣсенку.

— Вылѣзай, бояринь! — раздался голосъ Тушина.

Сердце узника дрогнуло: что это свобода или смерть?

Онъ вылѣзъ. Сіяніе солнечнаго дня, бѣлый сверкающій снѣгъ, заставили его закрыть глаза. Полной грудью дышалъ онъ чистымъ воздухомъ, отъ котораго отвыкъ въ своей ямѣ. Когда онъ открылъ глаза, то увидалъ передъ собой зловѣщія лица Тушина и его подчиненныхъ. Два стрѣльца спустились въ яму и товарищи начали подавать имъ камни. Въ ямѣ совершалась какая-то работа. Дѣлалось все молча. Часа черезъ два изъ ямы раздался возгласъ:

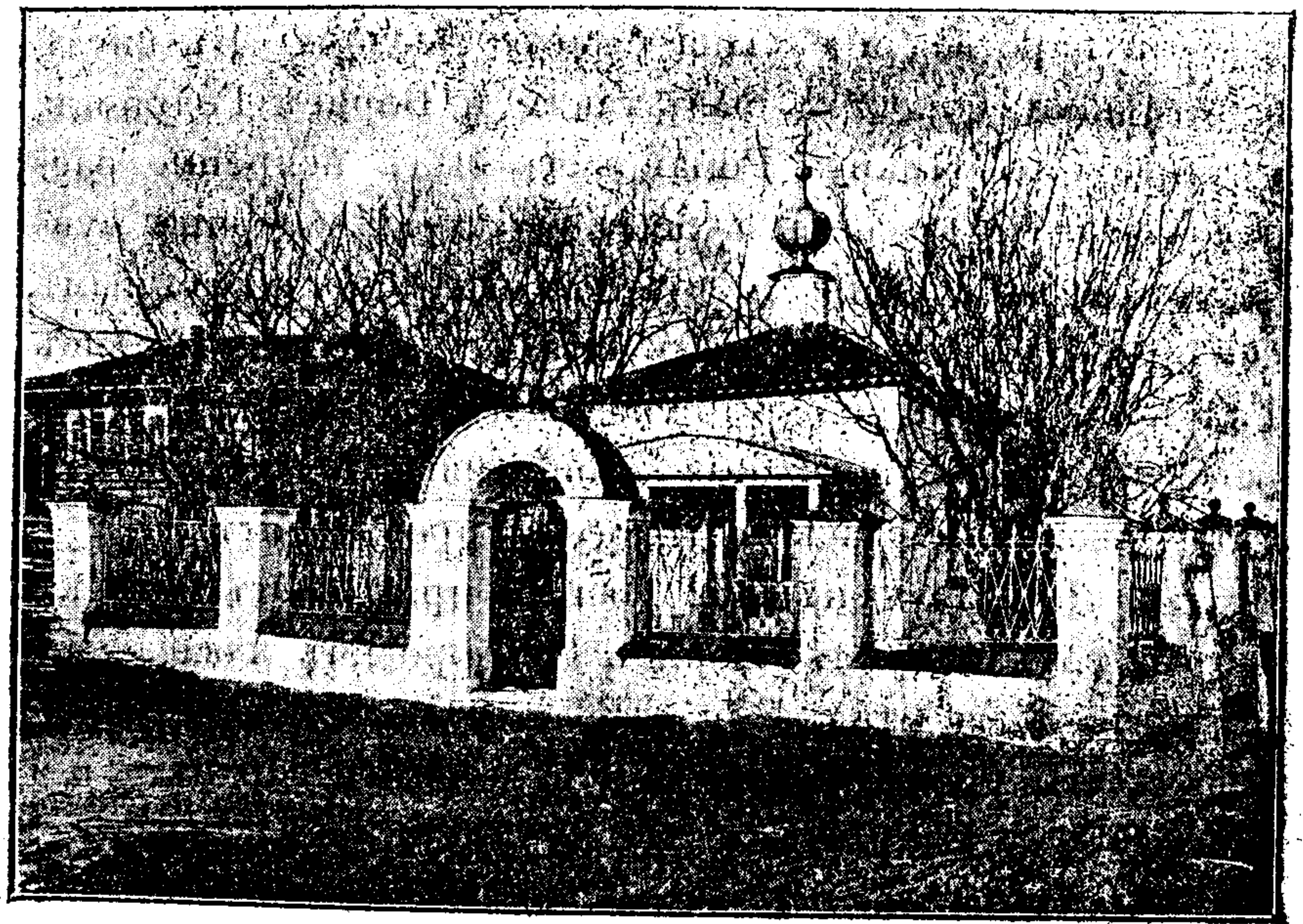
— Готово!

И стрѣльцы показали изъ отверстія. Снова Тушинъ приказалъ продрогшему узнику спуститься въ подземелье. Мгновенно лѣстница была убрана, плаха положена на мѣсто и засыпана землей. Въ полутьмѣ узникъ разглядѣлъ надъ чѣмъ работали стрѣльцы: въ углу былъ устроенъ жалкій очагъ. Значитъ, его не хотѣли заморозить. Вскорѣ въ отверстіе ему бросили нѣсколько полѣньевъ, огниво и трутъ. Узникъ развелъ огонь, при свѣтѣ котораго могъ подробно рассмотреть свое жилище. Стѣны и потолокъ промерзли и закуржевѣли. Бахромы снѣга всюду висѣли прихотливыми узорами. Полъ сдѣлался уже не землянымъ, а ледянымъ.. Когда дрова разгорѣлись, то дымъ наполнилъ всю яму

и вѣлъ глаза страдальца. Снѣгъ на потолкѣ и стѣнахъ началъ таять и мокрыя, грязныя капли падали на узника.

Къ счастью, вѣтеръ наверху затихъ, установилась тяга и дымъ потянулся съ отверстіе, изъ котораго онъ тонкой струйкой стремился на встрѣчу голубому небу. на встрѣчу солнцу, свѣту и свободѣ.

Узникъ сидѣлъ передъ огнемъ и думалъ, думалъ.. Въ памяти его съ поразительной ясностью вставали картины прошлаго.

Часовня надъ ямой узника.

Вотъ онъ видитъ себя мальчикомъ въ отчемъ домѣ въ Москвѣ. Вотъ нѣжно-любимый отецъ его, величественный старецъ, мужъ знаменитый и доблестный бояринъ Никита Романовичъ Романовъ-Юрьевъ. Обожаемый въ своей семьѣ и любимый народомъ русскимъ, отецъ его былъ роднымъ братомъ первой супруги царя

Ивана Васильевича, добродѣтельной Анастасіи. Узникъ вспоминаетъ выраженія народной любви къ его отцу и ко всей фамиліи Романовыхъ. Воистину то была трогательная любовь и Никита Романовичъ вполнѣ заслужилъ ее. Его безукоризненное поведеніе, непричастность къ тяжелому времени опричины, а главное память объ Анастасіи — давали право на такую любовь. Самъ грозный царь преклонялся передъ нравственными доблестями боярина и на смертномъ одрѣ избралъ его въ числѣ пяти знаменитыхъ мужей въ совѣтники и блюстители царствованія сына своего Θεодора. Въ числѣ совѣтниковъ царскихъ былъ также и Борисъ Годуновъ, къ которому Никита Романовичъ былъ искренне расположенъ. Но вотъ въ 1586 году старый бояринъ чувствуетъ приближеніе смерти. Узникъ съ стѣсненнымъ сердцемъ вспоминаетъ, какъ онъ, его братья и Борисъ Годуновъ стоятъ у одра отходящаго въ вѣчность. Старецъ собираетъ послѣднія свои силы, благословляетъ дѣтей своихъ и слабымъ голосомъ произноситъ:

— Дорогія чады мои! Господь призываетъ меня къ себѣ и вотъ бояринъ Борисъ Θεодоровичъ клялся мнѣ замѣнить Вамъ отца. Ему ввѣряю я Васъ. Господь надѣлилъ его умомъ, доблестями и добрымъ сердцемъ и я спокоенъ за Васъ.

Умеръ бояринъ. Плачь въ народѣ, плачь въ семьѣ...

Время мчится и залечиваетъ душевныя раны. Молодые Романовы растутъ и вступаютъ въ жизнь. Ихъ пять братьевъ. Старшій изъ нихъ Θεодоръ Никитичъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Умный, начитанный, знакомый даже съ латынью, онъ выдавался также и физическими достоинствами. Это былъ настоящій русскій молодецъ, красивый до такой степени, что красота его вошла даже въ пословицу и московскіе портные

того времени, желая польстить своимъ заказчикамъ, при примѣркѣ платья говаривали:

— Теперь ты совершенно Θεодоръ Никитичъ!

Таковъ былъ отецъ будущаго вѣнценосца Россіи!

За Θεодоромъ Никитичемъ шелъ Александръ, а за нимъ и самъ узникъ, Михаилъ Никитичъ... Несчастный видитъ себя такимъ, каковымъ онъ былъ въ то время. Могуче сложенный, добрый и великодушный, онъ страстно любилъ удалыя русскія забавы и не пропускалъ ни одного боя на Москвѣ рѣкѣ и почти всегда первенствовалъ въ этихъ забавахъ.

Вспоминаетъ Михаилъ Никитичъ и двухъ младшихъ братьевъ своихъ, Ивана и Василя. Всѣ они пользовались самой горячей и искренней любовью русскаго народа.

Привольно и безпечно текла ихъ жизнь. Годуновъ, казалось, былъ къ нимъ искренне расположенъ и заступалъ имъ мѣсто отца. Въ то время онъ уже пользовался могущественнымъ вліяніемъ на слабаго Θεодора и самовластно управлялъ Россіей, ведя ее по пути славы и благоденствія. Народъ уже привыкъ видѣть въ Годуновѣ правителя и первое послѣ государя лицо. Но никто не прозрѣвалъ будущаго, никто не видѣлъ ковъ, которыя строилъ этотъ честолюбецъ, прокладывая себѣ путь къ престолу.

Наступаетъ роковой 1591 годъ. Царевичъ Дмитрій зарѣзанъ въ Угличѣ... страшное то было время! Народная молва робко и съ опаской называетъ Бориса Годунова виновникомъ злодѣянія. Начинается разборъ дѣла. По совѣту правителя Θεодоръ въ Угличъ наряжаетъ Василя Ивановича Шуйскаго, племянника Ивана Петровича, заклятаго врага Годунова. Назначеніе это успокаиваетъ довѣрчиваго и слабаго царя: значить, Бо-

рисъ не боится слѣдствія, ибо не виновенъ въ крови младенца. Но хитрый и умный Борисъ умѣлъ познавать людей и въ Шуйскомъ онъ не обманулся. Василій Ивановичъ повелъ слѣдствіе такъ, какъ нужно было правителю. Виновниками оказались Нагіе и углицкіе посадскіе люди. Страшная кара постигла ихъ. Несчастную царицу Марью ссылаютъ въ Судинъ монастырь на Выксѣ, а Нагихъ въ дальніе города. Затѣмъ началась кровавая расправа надъ угличанами. Многимъ рубятъ головы, многихъ топятъ, инымъ рѣжутъ языки.

Но этого мало. Всѣхъ жителей углича переводятъ на жительство въ Сибирь и населяютъ ими городъ Пелымъ. Даже колоколь, въ который звонили по убійствѣ царевича, подвергается ссылкѣ...

Проходитъ еще 7 лѣтъ. Наступаетъ 1598 годъ. Царь Θεодоръ умираетъ, а вмѣстѣ съ нимъ прекращается царственная линія московскаго дома.

Михаилъ Никитичъ вспоминаетъ, что царь еще передъ смертью поговаривалъ о назначеніи будущаго царя изъ ихъ фамиліи. Дѣйствительно, Романовы имѣли полное право взять въ свои руки скипетръ. Но трудно имъ бороться съ Борисомъ, сумѣвшимъ въ то время встать на высоту своего могущества. Духовенство, во главѣ съ патріархомъ Іовомъ, всего болѣе расположено къ Борису Θεодоровичу... Годуновъ не пренебрегаетъ никакими мѣрами, лишь бы онъ приближали его къ осуществленію завѣтной цѣли. Его агенты рассылаются по Москвѣ и располагаютъ людей всѣхъ званій въ пользу избранія на царство Бориса.

Начинается комедія съ отказомъ отъ вѣнца. Но вотъ Борисъ, какъ бы снисходя къ слезнымъ просьбамъ русскаго народа, пышно вѣнчается на царство.

Первые два года протекаютъ спокойно. Новый царь привѣтливъ и милостивъ. Умной и дальновидной политикой своей возводитъ онъ Россію на небывалую еще степень могущества. Это были счастливые годы для Россіи и она наслаждалась миромъ подъ управленіемъ царя Бориса Θεодоровича. Казалось, Божіе благословеніе почиетъ на государѣ.

Романовы приближены къ престолу. Старшимъ братьямъ Θεодору и Александру государь пожаловалъ боярство, а Михаилъ Никитичъ возведенъ въ санъ окольничаго. Романовы успокоились и ревностно служатъ отечеству.

Наступаетъ 1600 годъ. Вдругъ проносится слухъ, что Димитрій живъ, что Нагіе еще до ссылки въ Угличъ предвидѣли судьбу царевича и подмѣнили его другимъ мальчикомъ, а настоящій царевичъ гдѣ-то воспитывается въ потайномъ мѣстѣ. Говорятъ объ этомъ шепотомъ, съ опаскою, но говорятъ. Слухи достигаютъ царя и потрясаютъ его совершенно. Ему кажется, что тѣнь убійскаго младенца является мстить изъ-за могилы...

Страшная перемѣна совершается въ Борисѣ. Изъ добраго и милостиваго онъ дѣлается безжалостнымъ тираномъ. Онъ чувствуетъ, что люди родовитые, съ омерзѣніемъ видя на престолѣ потомка Мурзы Четы, прирожденнаго татарина, ухватятся за мысль о Димитріѣ и постараются раздуть эти слухи. Чтобы удержаться на престолѣ, надо уничтожить, раздавить знатныхъ бояръ, этихъ гордыхъ Рюриковичей. И съ энергіей, достойной лучшей цѣли, Борисъ приводитъ въ исполненіе свой ужасный замыселъ. Первой жертвой падаетъ Богданъ Бѣльскій, одинъ изъ болѣе близкихъ къ царевичу.

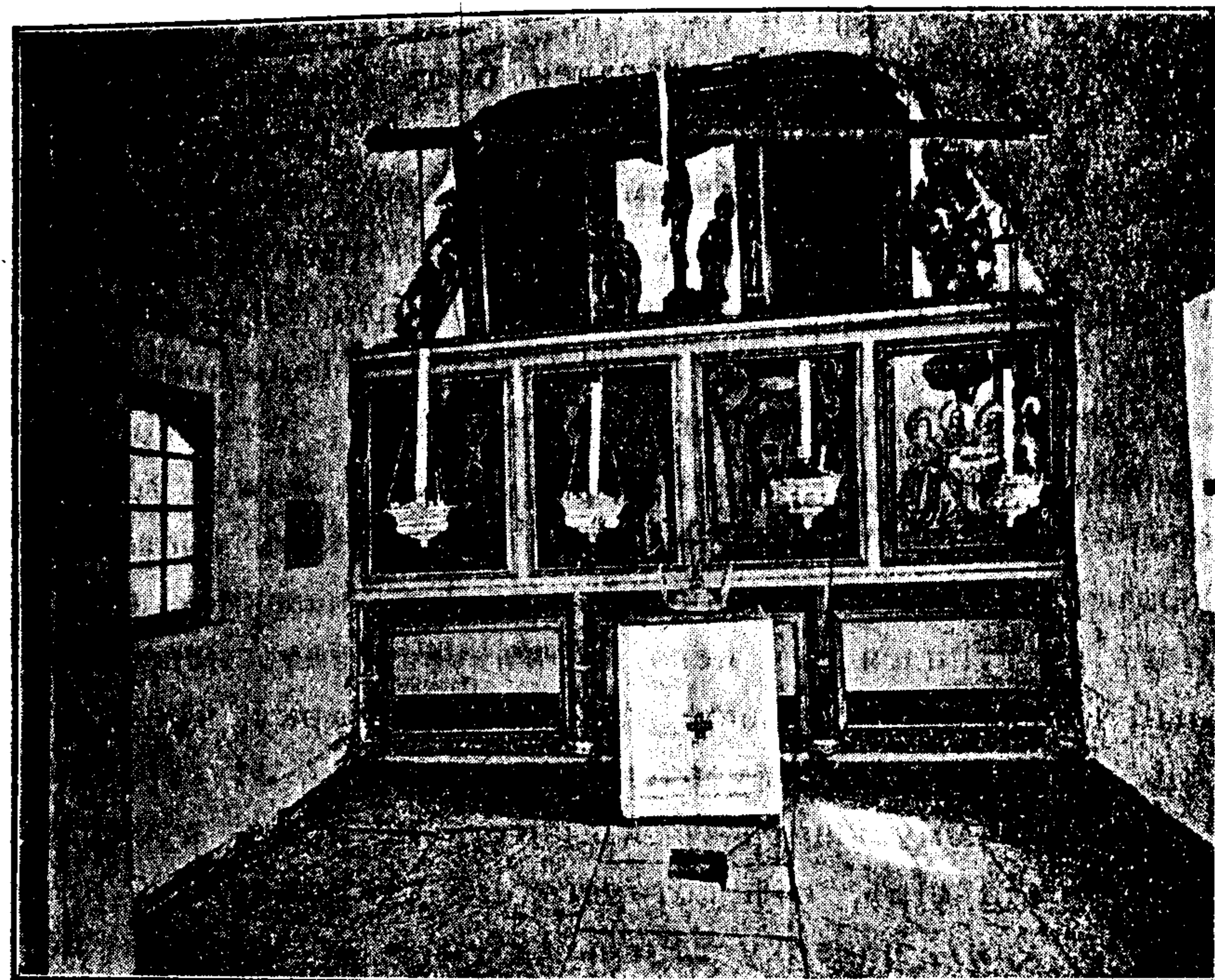
Затѣмъ наступаетъ чередъ и Романовыхъ.

Въ то ужасное время развилось необыкновенное шпионство и предательство, поощряемая съ высоты престола. Слуги доносили на господъ, дѣти на родителей, родители на дѣтей и настала великая смута въ умахъ російскихъ людей. Нашелся доносчикъ и на Романовыхъ. Одинъ изъ холопей Александра Никитича—Второй-Бартеневъ явился къ царскому клевету и родственнику, гнусному Семену Годунову и предложилъ свои услуги погубить Романовыхъ. Предателю была обѣщана царская награда за такую услугу. Злой холопъ кладетъ разныхъ кореньевъ въ мѣшокъ и подбрасываетъ въ казну своего господина, а потомъ дѣлаетъ доносъ, что у боярина есть коренья, которыми онъ хочетъ при помощи волшебства извести царя. Обыскъ. Коренья найдены — доказательство на лицо. Всѣхъ братьевъ Романовыхъ хватаютъ, заковываютъ и сажаютъ въ тюрьму, гдѣ подвергаются пыткамъ и заставляютъ сознаться въ небываломъ преступленіи. Наступаетъ судъ или, вѣрнѣе, пародія суда. Бояре, желая угодить Борису, издѣваются надъ несчастными и признаютъ ихъ виновными. Въ іюнь 1601 года состоялся боярскій приговоръ, осуждавшій Романовыхъ въ вѣдовствѣ и зломъ умыслѣ на царя. Въ сентябрѣ Михаилъ Никитичъ былъ доставленъ въ Ныробку.

Вотъ какія картины прошлаго проносились въ памяти страдальца.

Мучительно тянулись для него зимніе дни и ночи въ его страшномъ одиночествѣ. Отсутствіе движеній, спертый воздухъ, тяжесть оковъ и нравственныя муки уносили силы Михаила Никитича. Онъ чувствовалъ, что каждый отходящій день приближаетъ его къ могилѣ. Порою сознание начинало покидать его... То была

страшная и томительная агонія.. То были неописуемыя муки заживо погребеннаго человѣка..

Внутренній видъ часовни.

Прошла зима, наступило весна.

Въ ямѣ находился уже не прежній богатырь, а только жалкая тѣнь его. Цѣлыми днями Михаилъ Никитичъ повторялъ святыя слова молитвъ. Онъ молился до изнеможенія, засыпалъ и снова молился, просыпаясь. И только живая вѣра въ Бога да могучее здоровье помогли перенести страдальцу суровую зиму въ его ужасной тюрьмѣ... Но съ весной его положеніе ухудшилось. Платье на немъ пришло въ такую ветхость, что почти разваливалось. Масса насѣкомыхъ копошилась въ лохмотьяхъ. Кандалы натерли на тѣлѣ страшныя язвы. Воздухъ въ ямѣ становился невозможнымъ

отъ накопившихся нечистотъ, которыя бездушныя тюремщики и не думали убирать...

Собирая остатки силъ своихъ, Михаилъ Никитичъ часто приподымался и старался быть ближе къ отверстию, чтобы урвать нѣсколько глотковъ болѣе чистаго воздуха. За послѣднее время пищи ему стали давать гораздо меньше, а бывали дни, въ которые страдалецъ не видалъ и крошки... Видимо ждали его смерти...

Въ одинъ весенній день Михаилъ Никитичъ былъ особенно въ угнетенномъ состояніи. У него со вчерашняго утра не было во рту крошки и жажда томила его. Обезсиленный, въ полубезсознательномъ состояніи лежалъ онъ на днѣ вонючей ямы. Ему казалось, что и Богъ отступился отъ него... Онъ устремилъ неподвижный взоръ въ небольшое отверстіе наверху, чрезъ которое былъ видѣнъ кусочекъ синяго неба. И страстно захотѣлось ему еще разъ взглянуть на этотъ прекрасный Божій міръ, отъ котораго его такъ жестоко оторвали. Тамъ, наверху теперь свѣтитъ солнце, въ поляхъ распустились цвѣточки, воздухъ полонъ благоуханья и весело щебечуть пернатые гости. Все живое радуется теплу и свѣту. За что, за что же онъ-то лишенъ всего этого?..

— Дяденька, а дяденька! Ты ужъ живъ-ли? — вдругъ послышался дѣтскій голосокъ и головка дѣвочки показалась въ отверстіи.

Михаилъ Никитичъ вздрогнулъ и присѣлъ. Давно ужъ онъ не слыхалъ человѣчьяго голоса, такъ какъ стрѣльцы никогда съ нимъ не говорили.

— Кто ты?—тихо и хрипло спросилъ онъ.

— А я Дунька! Дяденьки то ушли отъ ямы, въ избѣ у Ивана шибко пируютъ и шибко ругаются. Намъ, дяденька, тебя шибко жалко. Пошто тебя въ ямѣ-то дер-

жать. Тятка велѣлъ тебѣ шаньгу принести, да молочка, вотъ оно тутотка— въ дудочкѣ, кушай на здоровье! На, вотъ, имай! Къ ногамъ узника упалъ хлѣбъ и дудочка, залѣпленная съ обоихъ концовъ хлѣбнымъ мякишемъ и наполненная молокомъ.

Дѣвочка продолжала лепетать:

— Шибко мы тебя жалиемъ. Мамка у меня плачетъ о тебѣ. Я, дяденька, цвѣточковъ завтра тебѣ нарву. Ты только тѣмъ-то не бай, мы ихъ боимся. А я бравыхъ тебѣ цвѣточковъ-то насобираю, красныхъ!.. Ой! идутъ дяденьки то!..—и видѣніе исчезло...

Слезы градомъ лились по блѣднымъ и ввалившимся щекамъ окольногочаго Михаила Никитича Романова...

Смерть боярина.

— Моченьки нашей не стаесть жить въ этомъ проклятомъ мѣстѣ! Скоро-ли мы освободимся?

— Да ужъ видно умирать здѣсь приводится!

— Ни водки, ни пива, ни бабъ хорошихъ мы ужъ восемь мѣсяцевъ не видимъ!

— А ну его къ лѣшему, Романъ Андреевичъ! Да сдѣлай милость, развяжи ты насъ поскорѣе!

— Молчать!—крикнулъ Романъ Андреевичъ и ввернулъ крѣпкое московское словцо.

Взбунтовавшіеся было стрѣльцы смолкли.

— Вы думаете,—продолжалъ Тушинъ,—мнѣ самому пріятно жить въ этой дырѣ? У меня тоже въ Москвѣ жена и дѣти остались. Что тутъ станешь дѣлать, коли нашъ бояринъ не умираетъ? Видно и въ самомъ дѣлѣ онъ вѣдунъ, если зиму перенесъ въ своей тюрьмѣ.

— Да можно было бы...—робко сказалъ одинъ стрѣлецъ и смолкъ.

— Что-о?—прорычалъ Тушинъ,—ты, братъ, ѣшь пироги съ грибами, да держи языкъ за зубами.

Наступило тяжелое молчаніе.

— Съ завтрашняго дня давать ему по полфунта хлѣба черезъ сутки,—приказалъ Тушинъ и вышелъ изъ избы.

Тяжелый это выдался годъ для бѣдныхъ обитателей Ныробки. Незавидно жили они и раньше, а тутъ

совсѣмъ разоренье принесли эти московскіе люди. Мало того, что стрѣльцы всячески издѣвались надъ крестьянами, распоряжались въ ихъ избахъ, какъ въ своихъ собственныхъ, требовали съ нихъ денегъ и отнимали у нихъ шкуры добытыхъ звѣрей, мало этого—жадные москвичи брали себѣ на позоръ женъ и дочерей несчастныхъ ныробцевъ. Протестующихъ они застрачивали царскимъ указомъ. Молча покорились ныробцы такому положенію дѣлъ. Они сознавали, что предотвратить несчастіе имъ не по силамъ. А тутъ еще и на охотѣ имъ не посчастливилось. Пушные звѣри какъ будто ушли изъ ихъ лѣсовъ и бѣдные охотники нерѣдко возвращались съ пустыми руками.

Совсѣмъ приуныли ныробцы.

Но несмотря на всѣ несчастія, несмотря на внѣшнюю грубость свою, они въ глубинѣ своихъ добрыхъ сердецъ искренне сокрушались о судьбѣ страдальца, посаженнаго на ихъ глазахъ въ яму. Часто въ лѣсу, находясь вдали отъ ненавистныхъ стрѣльцовъ, они вели между собою бесѣду объ узникѣ.

— Пошто это онъ въ ямѣ-то? Пошто тамо-ка яво морозятъ эти московскіе-то, чивера имъ въ мягко мѣсто!

— Баютъ—все молится, все молится! Ипатко нашъ онолды подбѣжалъ къ ямѣ то, эти дьявола то толды пировали, такъ чуль¹⁾: Отчу молитву читаетъ, безутышно²⁾ чатаетъ!

— Жаль яво сердешнова! Видно, праведникъ енъ! Вотъ топерича Богъ насъ и наказуетъ, что праведника въ землѣ держатъ!

Но особенно сокрушалось о страдальцѣ женское населеніе Ныроба. Мѣстныя женщины и дѣвушки имѣли

¹⁾ Чуль — слышалъ.

²⁾ Безутышно — непрерывно.

серьезныя причины ненавидѣть нахальныхъ стрѣльцовъ, а потому сочувствіе ихъ къ жертвѣ стрѣлецкой злобы было сильнѣе.

Весною жители Ныроба замѣтили, что узника почти морятъ голодомъ и они рѣшили придти къ нему на помощь. Исполнить это было тѣмъ болѣе легко, что съ теченіемъ времени стрѣльцы не особенно ревностно охраняли яму и большую часть дня пировали въ избѣ Носа.

Ребятишки ныробскіе часто играли и забавлялись вблизи ямы, а потому къ ихъ присутствію въ этомъ мѣстѣ привыкли и Тушинъ и его подчиненные. Родители научили своихъ дѣтей подбѣгать, какъ бы невзначай, къ ямѣ и бросать заключенному хлѣбъ и молоко, которое они ухитрились наливать въ дудочки. Ребятишки съ удовольствіемъ исполняли это порученіе и у нихъ даже завязалось состязаніе: кто больше и ловчѣе броситъ припасовъ въ яму.

— Я ководнясь¹⁾ дяденькѣ то двѣ шаньги бросилъ!—заявилъ бѣлокурый Ванюшка своимъ товарищамъ.

— А я молочка двѣ дудочки! Дяденька-то мнѣ-ко спасибо сказалъ и обо мнѣ молился!—говорила дѣвочка.

— А пошто, робята, онъ тихо баетъ?

— Чепи²⁾ на емъ, тяжко ему.

— Мамка баетъ, онъ святой!

— А чеино! святые, баютъ, все въ земляхъ жили, Богу молились.

Но не всѣ ныробцы такъ сочувственно относились къ узнику. Ивашко Носъ, въ избѣ котораго жилъ Тушинъ со стрѣльцами, не принималъ участія въ кормленіи

¹⁾ Ководнясь—на-дняхъ.

²⁾ Чепи—цѣпи.

заключеннаго. Его черствое сердце не вѣдало чувства состраданія... Не любили однопореченцы вѣчно хмураго и хитраго Носа. Сильный и лукавый, онъ и раньше притѣснялъ своихъ болѣе слабыхъ собратьевъ. Въ своей дереушкѣ онъ являлся скупщикомъ мѣховъ и сбывалъ ихъ въ Чердыни. Водились у него и деньжонки. Въ Чердыни онъ покупалъ хлѣбъ и другіе припасы и вымѣнивалъ ихъ на добычу ныробцевъ и, конечно, съ большимъ для себя барышемъ. Жаденъ былъ Носъ до денегъ и готовъ былъ на все, лишь добыть ихъ побольше. Онъ старался заслужить расположеніе своихъ грозныхъ постояльцевъ и нерѣдко ѣздилъ въ городъ и покупалъ въ царевомъ кабакѣ вино, которое не безъ барыша сбывалъ квартирантамъ. Дѣлалъ онъ имъ и другого рода услуги.

Провѣдалъ онъ объ отношеніяхъ ныробцевъ къ узнику и задумался. Онъ зналъ, что если стрѣльцы узнаютъ объ этомъ, то страшная кара постигнетъ виновныхъ. Но, съ другой стороны, доносчикъ не будетъ обойденъ царской наградой. Не долго терялся Носъ въ сомнѣніяхъ. Жадность къ деньгамъ подсказала ему, какъ надо въ данномъ случаѣ поступить.

Улучивъ минуту, когда въ избѣ былъ только одинъ Тушинъ, Носъ подошелъ къ нему и тайно проговорилъ:

— А я чеко лажу¹⁾ молвить тебѣ, Романъ Андреевичъ.

— Говори, что тамъ такое?

— А вотъ быдто измѣна проявилась, касательно, который въ ямѣ-то сидитъ.

— Что, что такое? Какая измѣна?!

¹⁾ Лажу—хочу.

— Ты, ваша милость, значить, громко-то не бай. Слухай че скажу. Ныробчи-то тайкомъ кормятъ яво.

— Какъ кормятъ? Говори толковѣе, чортовъ сынъ!

— Да вотъ робятки ему хлѣбъ въ яму кидаютъ, а учать отцы.

Тушинъ страшно взволновался и ударилъ кулакомъ по столу.

— Такъ вотъ оно что! Вотъ почему онъ не издыхаетъ. Хорошо же! Будетъ имъ на орѣхи! Которые это учать ребятъ? Говори!

— Да всѣ пятеро. Всѣ и учать. А вотъ што, ваша милость, мнѣ то за труды отъ чаря будетъ чеко?

— Если ты правду сказалъ, то жди царской награды, а если совралъ—берегись!

— Пошто врать-то! Икону сыму! Врать-то грѣхъ!

— Ну, ладно! Завтра же мы ихъ накроемъ, а теперь молчи.

На другой день Тушинъ спрятался въ сосѣдній лѣсокъ и сталъ наблюдать за ямой. Стрѣльцамъ онъ приказалъ сидѣть дома и сдѣлать видъ, что они пируютъ.

Не долго пришлось ждать Роману Андреевичу.

Кучка дѣтей показала на поляхъ. Дѣти были оживлены и, видимо, что-то хотѣли предпринять. Сначала они играли вдали отъ ямы и все поглядывали на избу Носа. Романъ Андреевичъ изъ своего убѣжища могъ рассмотреть, какъ у двухъ или трехъ мальчиковъ подозрительно оттопырились рубашенки на груди. Видимо, тамъ что то лежало.

Убѣдившись, что вблизи никого нѣтъ, ребята сдѣлались храбрѣе и затѣяли игру около ямы. Вдругъ, одинъ изъ ребятшекъ, бѣлокурый мальчишка, подбѣжалъ къ ямѣ, сунулъ руку за пазуху, вытащилъ что-то

и бросилъ въ отверстіе ямы. Въ одно мгновеніе Тушинъ оказался около перепуганнаго на смерть мальчугана.

— Ты что тутъ дѣлалъ пострѣленокъ? - грозно спросилъ Романъ Андреевичъ, схвативши ребенка за ухо.

— Ничаво, дяденька! Пра, ничаво! Мы баловались тутотка! Ой, садко ¹⁾, дяденька.

Тушинъ крикнулъ стрѣльцовъ, велѣлъ имъ схватить дѣтей и принести крапивы.

— Говорите, чертенята, что вы тутъ дѣлали?— допрашивали стрѣльцы дѣтей.

Тѣ перепугались на смерть, но, все-таки, увѣряли, что они только лишь играли около ямы.

Тушинъ приказалъ стегать ихъ крапивой. Раздался страшный плачь, на который выбѣжали изъ избъ родители несчастныхъ малютокъ.

— Ой, садко! Ой, простите, дяденьки! Не будемъ больше!

— Говорите, что дѣлали, а то запоремъ до смерти! Дѣти не выдержали и сознались во всемъ.

Родители ихъ пали передъ стрѣльцами на колѣни, винулись и просили пощады..

Въ ту же ночь стрѣлецъ, посланный нарочнымъ въ Чердынь, везъ отъ Романа Андреевича двѣ бумаги. Одна была адресована чердынскому воеводѣ, а другая царю Борису..

Черезъ трое сутокъ изъ Чердыни прибыло въ Ныробку десять воеводскихъ людей. Они схватили пятерыхъ ныробцевъ, связали ихъ и увели изъ Ныробки. Ужасъ воцарился въ осиротѣвшихъ семьяхъ. Обезлюдила сразу деревушка.

.

¹⁾ Садко—больно.

Прошло лѣто, наступилъ августъ.

Положеніе стрѣльцовъ сдѣлалось невыносимымъ. Узникъ, несмотря на то, что ему выдавали черезъ два дня только по ломтю хлѣба, былъ еще живъ. Онъ могъ прожить и еще зиму и это ужасало стрѣльцовъ. Госка невыносимая царила въ Ныробкѣ. Осиротѣвшія женщины и дѣти почти не показывались изъ своихъ избъ и прятались при видѣ стрѣльцовъ.

Тушинъ въ послѣднее время сталъ сильно задумываться, сдѣлался еще мрачнѣе. Видимо, онъ замышлялъ нѣчто ужасное.

Въ одинъ августовскій день онъ пошелъ со стрѣльцами къ ямѣ, приказалъ вынуть плаху и приставить лѣстницу. Стрѣльцы исполнили приказаніе начальника и, видимо, находились въ ожиданіи чего-то важнаго.

Тушинъ спустился въ яму. Пробылъ онъ тамъ нѣсколько минутъ и скоро показалось его поблѣднѣвшее и взволнованное лицо. Когда онъ вылѣзъ изъ ямы, то руки его дрожали, а дыханіе было прерывисто. Послѣ небольшого, но тяжелаго молчанія, онъ хрипло произнесъ:

— Бояринъ скончался!

Стрѣльцы сняли шапки и перекрестились.

Э п и л о г ъ.

Схоронили Михаила Никитича въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ его послѣдняго жилища.

Гробница надъ могилой Михаила Никитича.

Прошло четыре года. Царь Борисъ умеръ. Престоль русскихъ царей занялъ дерзкій авантюристъ, выдававшій себя Димитріемъ, сыномъ Грознаго царя. Какъ мнимый родственникъ Романовыхъ, онъ приближаетъ уцѣлѣвшихъ братьевъ къ себѣ, а тѣла мертвыхъ приказываетъ перевезти въ Москву. Снова появляются московскіе люди въ несчастной Ныробкѣ. Тѣло страдальца извлечено. Съ почестями перевозятъ останки Михаила Никитича въ Москву и погребаютъ въ монастырѣ у Спаса на Новомъ.

Быстро мелькнуло полное тщеславія и показного блеску царствованіе названнаго Димитрія. Его смѣнилъ Василій Шуйскій, бывшій слѣдователь по дѣлу убіенія царевича. Въ это царствованіе возвращены были въ Ныробку крестьяне, схваченные по доносу Иванки Носа. Они возвратились худые, изможденные пыткой, которой ихъ подвергали въ Казани. Вернулось ихъ только четыре человѣка: одинъ не вынесъ ужасовъ пытки и умеръ. Со страхомъ слушали жены и дѣти рассказы несчастныхъ.. Ныробка немного ожила.

Но недолго сидѣлъ на престолѣ и Василій Шуйскій...

Наступаетъ для Россіи страшное время. На престолѣ нѣтъ царя, поляки терзаютъ Русь. Кровь льется рѣкой... То былъ страшный поединокъ двухъ братскихъ народовъ. Рѣшался вопросъ которому изъ нихъ первенствовать въ будущемъ. Казалось, счастье всецѣло перешло на сторону гордой Рѣчи Посполитой. Поляки въ Москвѣ и Русь погибаетъ... Но подъ ударами судьбы Русь напрягаетъ всѣ свои усилія и съ честью выходитъ изъ ужаснаго положенія.

«Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.»

Поляки изгнаны, на русскомъ престолѣ законный и желанный царь, родной племянникъ ныробскаго страдальца!..

Въ это время въ Ныробкѣ снова совершается важное событіе: тамъ чудесно является икона Николая Святителя. Вѣсть объ этомъ доходитъ до царя Михаила Ѳеодоровича и онъ приказываетъ соорудить деревянную церковь въ деревушкѣ. Ныробка дѣлается погостомъ...

Проходитъ около ста лѣтъ. Россія оправляется отъ бѣды «лихолѣтья», растеть, крѣпнеть. Наступаетъ 1705 г. Въ село Ныробъ прибываетъ невѣдомый человѣкъ съ партией каменщиковъ. Люди эти строятъ каменный храмъ надъ бывшей могилой Михаила Никитича. Храмъ оконченъ, люди исчезаютъ. Кто они такіе? Это тайна для современниковъ, тайна для потомства..

Ныробскіе храмы.

Бѣгутъ года. Слава о Ныробкѣ, какъ о мѣстѣ страданій Михаила Никитича Романова распространяется далеко. Изъ разныхъ мѣстъ Руси обширной стекаются въ Ныробъ паломники поклониться явленной иконѣ Святителя Николая, помолиться на мѣстѣ страданія мученика и приложиться къ его цѣлямъ.

Исторія злопамятнѣе народа, — сказалъ Карамзинъ. Народъ забылъ имя Бориса Годунова, но зато свято чтитъ память его жертвы, память Ныробскаго Узника...

Николай Белдыцкій.

Г. Пермь.

